

НА СЦЕНЕ — ГОСТИ

ТАНЦОВЩИКИ ИЗ ТОКИО

ЕСЛИ вас спросят, что такое искусство Японии, то вы, вероятно, в первую очередь назовете древний театр кабуки, пластику и мелодичные песни гейш, тончайшие гравюры по шелку и дереву. И едва ли кто-нибудь вспомнит об искусстве классического танца. Это закономерно. Муза классической хореографии последней прилетела в страну восходящего солнца. Это произошло в 1960 году, когда солисты Большого театра СССР А. Варламов и С. Мессерер были приглашены в Токио, чтобы создать там труппу классического балета. Советские педагоги начали с организации балетной школы, которая вскоре получила название Хореографического училища имени П. И. Чайковского.

А через несколько лет был поставлен балет «Щелкунчик», и хотя Маша-принцесса во многом напоминала изящную японскую статуэтку, советские педагоги были счастливы: в Токио родилась первая национальная труппа классического танца.

С молодым коллективом продолжали работать советские танцовщики И. и М. Смирновы, О. Тарасова. Все они — артисты Большого театра СССР; таким образом, не нарушалось единство педагогического почерка, была сохранена традиция. К сожалению, хореографическое училище просуществовало недолго: не получив вовремя финансовой поддержки, оно закрылось. Но его первые выпускники образовали то ядро, вокруг которого сложился новый хореографический коллектив — «Токио-балет».

И вот мастера классического танца Японии — в Ленинграде. Репертуар труппы разнообразен: освященная традициями времени «Жизель», национальный балет «Времена года», хореографическая поэма «Ала и Лолли» на музыку С. Прокофьева, классический балет «Маримо», в основу либретто которого легла одна из поэтических легенд древней Японии.

Маримо — это зеленая, как изумруд, водоросль, символ вечной любви. Она вслушивается в шум прибоя, мерно раскачивается на волнах и рассказывает о любви девушки Сэтаны и юного охотника Манпэ. Ее рассказ записал А. Варламов, автор либретто. Он вместе с С. Мессерер поставил яркий и запоминающийся спектакль.

Уже после первого акта не оставалось сомнений, что японские танцовщики — воспитанники советских педагогов. Они впитали все лучшее, что создала русская советская школа хореографии. В их искусстве — безудержная динамика движения, экспрессия и легкость прыжков, стремительность вращений, виртуозность в исполнении национальных танцев, выразительность актерской игры.

Х. Китахаре, исполнитель партии Манпэ, появляется на сцене в вариации, похожей на вихрь. Молодому танцовщику свойственны яркий темперамент, удивительная по красоте пластичность, четкая графика движений и поз. Хрупкой и трогательной предстает перед нами любящая Сэтана в исполнении талантливой танцовщицы Абэ Чизэ, которая отлично справляется со всеми сложностями трудной партии. Особой похвалы заслуживает мужской кордебалет — отточенный и слаженный организм. Великолепны мужские массовые танцы охотников и воинов, они полны силы и задора. Во всем разнообразии красок возникает перед нами Япония — то сказочная, то реальная.

...Закончился спектакль. Я подошел к Абэ Чизэ, исполнительнице главной роли в балете, и спросил ее, что бы она хотела передать ленинградским зрителям. Взяв из моих рук блокнот, она написала: «Спасибо русским; они научили нас танцевать».

И. СТУПНИКОВ

НА СНИМКЕ: сцена из балета «Маримо».

